

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. И. Завьялова
г. Москва, Россия

ИВАН ГРОЗНЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Аннотация: В 1779 г. М. М. Херасковым издана эпическая поэма «Россиада», повествующая о победе царя Ивана Грозного над Казанским ханством. Для ее написания автор воспользовался «Казанской историей» — сочинением неизвестного древнерусского автора XVI в., прославившего первого русского царя. «Россиада» приобрела литературный успех, причиной чего была актуальность сюжета о казанском взятии в екатерининское время — победу Ивана Грозного и русских воинов над магометанами в XVI в. стали соотносить с Русско-турецкой войной. По прошествии уже нескольких лет, в начале XIX столетия, сюжет «Казанской истории» и поэмы Хераскова заинтересовал других русских писателей — появились трагедии С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства» и А. Н. Грузинцева «Покоренная Казань или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным» и опера Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани». Каждый из названных авторов второй половины XVIII – начала XIX вв. создал свой образ древнерусского правителя. В статье рассматривается, какой взгляд на деятельность и личность царя существовал задолго до издания «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, со времени появления которой в общественном сознании преимущественно укоренилось представление об Иване IV как о правителе деспотического характера.

Ключевые слова: Иван Грозный, покорение Казани, «Казанская история», М. М. Херасков, «Россиада», С. Н. Глинка, А. Н. Грузинцев, Г. Р. Державин, русская драматургия.

Информация об авторе: Анастасия Игоревна Завьялова, — аспирантка, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: azavyalowa@gmail.com.

Дата поступления статьи: 16.03.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Завьялова А. И. Иван Грозный в творчестве русских писателей второй половины XVIII – XIX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 136–145.

В истории русской культуры прослеживаются периоды повышенного внимания к эпохе Ивана IV (например, в XIX в. выделяются 60–70-е гг., в XX в. — 30–40 гг.). По мнению Г. Н. Моисеевой, интерес к фигуре первого русского царя «усилился» [9] еще в конце XVII в. и не угасал на протяжении всего XVIII в. Внимание к деятельности конкретной исторической личности нередко возникает в силу причин политического

характера. Оценки деятельности Ивана Грозного всегда отличались противоречивостью. До сих пор либо почитают царя как сильного государственного деятеля, либо, напротив, отмечают отрицательные стороны его деспотичного правления.

В XIX в. на формирование отношения к политике Ивана Грозного оказала большое влияние «История Государства Российского» Н. М. Карамзина — с тех пор укоренилось представление о тираническом характере царя. В пореформенное время писатели А. К. Толстой, А. Н. Островский, Д. В. Аверкиев и др. изображали Ивана Грозного жестоким правителем, во многом ориентируясь на текст исторического сочинения Карамзина.

Описав «жестокости Иоанновы» [6], сам историк в конце девятого тома, вышедшего в 1821 г., отметил невозможность однозначной характеристики Ивана IV: «...добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в *народной памяти*: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанного блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств монгольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя — Завоевателя, чтит в нем знаменитого виновника нашей государственной силы...» [6].

Какой же образ царя формировался в общественном сознании до появления «Истории Государства Российского» Карамзина, и какие события тех времен могли «возвращать» к эпохе Ивана Грозного? В Петровское время о грозном самодержце «вспомнили» в связи с победой Петра I в Северной войне. Возникшая параллель — первый царь Иван Грозный и первый император Петр I — существовала в течение всего столетия¹. Исследователи, говоря о прославлении этих монархов в XVIII в., указывали на записи из дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, описавшего открытие в Петербурге триумфальной арки по случаю победы над шведами с изображениями обоих правителей [10]. Но особый интерес ко времени XVI в. появился в российском обществе при Екатерине II, в эпоху Русского Просвещения, что в первую очередь было связано с литературным успехом эпической поэмы М. М. Хераскова «Россиада» (1779), повествующей о покорении Казанского ханства. Победу русских над казанцами, находившимися в XVI в. под протекторатом турецкого султана, стали соотносить с тогдашними событиями — русско-турецкой войной, а с 1783 г. — с присоединением Крымского ханства к Российской империи.

По прошествии двух десятилетий после издания «Россиады», уже в начале XIX в., тема казанского взятия привлекла других писателей. Появился ряд драматических произведений: трагедии С. Н. Глинки («Сумбека, или Падение Казанского царства», 1806) и А. Н. Грузинцева («Покоренная Казань или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным», 1810), опера Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» 1814 г., в предисловии к которой писатель указал, что опера как литературный жанр является «нѣкоторым подражаніем древней греческой трагедіи» [15, с. 581].

Каждый из авторов второй половины XVIII – начала XIX вв. создал свой литературный образ Ивана Грозного. Их произведения заслуживают отдельного рассмотрения. При этом заметим, что в трагедии Глинки авторское внимание сосредоточено на фигуре казанской царицы Сумбеки, а царь Иван Васильевич представлен всего лишь внесценическим персонажем.

¹ Г. Н. Моисеева приводила в качестве примера диалог Петра I и Ивана Грозного в «Оде на взятия Хотина» М. В. Ломоносова [9, с. 201].

Прежде чем обратиться к тексту «Россиады», вспомним, что в основу сюжета эпической поэмы, согласно литературной традиции данного жанра, мог быть положен только рассказ о событии, представляющем большую значимость для национальной истории. Так, ранее, в 1771 г., Херасковым была издана поэма «Чесмесский бой». В ней поэт прославил знаковую победу русского флота под командованием графа А. Г. Орлова над турецкой эскадрой и императрицу Екатерину II, и в том же году он приступил к написанию «Россиады».

Одним из литературных источников «Россиады» явилась «Казанская история», сохранившаяся, как известно, во многих списках². В 1905 г. в Санкт-Петербурге член Общества Любителей Древней Письменности Г. З. Кунцевич³ издал монографию «История о Казанском царстве, или Казанский летописец», в которой он выделил 195 списков древнерусского памятника. Исследователь говорил о широком распространении списков «Казанской истории»: некоторые из них хранились в Москве и Петербурге, в Троице-Сергиевой лавре, в Антониево-Сийском монастыре, в Киево-Печерской лавре, в Казанском университете, в Берлине, Дрездене и Оксфорде. Большинство списков «Казанской истории» относится к XVII в. Именно в то время «Казанская история» была включена в «Хронограф», что «немало способствовало известности» [8 с. 597] произведения. Также Кунцевич указал, что «достаточное количество» [8 с. 597] списков датируется XVIII в. (с середины XIX в. новые списки «Казанской истории» уже не встречаются).

Неизвестный автор XVI в. поведал читателям об истории Казанского царства с момента его возникновения до падения в 1552 г. Но если древнерусский книжник посвятил свое грандиозное сочинение Ивану IV, то Херасков, напротив, в «Историческом предисловии» к эпической поэме предупреждает своих читателей о том, что воспел не столько личные заслуги монарха, сколько победу целого Российского государства: «Воспевая разрушение Казанского царства со властью державцев ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращенное благоденствие не одной особе, но целому отечеству, почему сие творение и “Россиадою” названо» [18, с. 178].

В начале «Россиады» писатель и вовсе изображает Ивана Грозного с отрицательной стороны, говоря, что тот «забавами пленился» и «едва не выпустил Казань из слабых рук» [18, с. 183]. Царь, «объятый сном» [18, с. 187], и не думает о походе на Казань, и о нем сказано, что он «венец, отчество, законы позабыл» [18, с. 188]. В это время «Москва главу склонила» [18, с. 185], а угроза со стороны казанцев возросла. В данном случае интересно привести сопоставление с текстом «Казанской истории», где представлена совсем другая характеристика царя: «...и от юны версты не любляше никакие потехи царьския» [5, с. 175]. Далее на страницах «Россиады» облик Ивана Грозного меняется. Показательно, что эти изменения автор связывает с учреждением Избранной рады: «Казалось, Иоанн вновь царство приобрел; // Избранной думе быть в чертоги повелел, // Доныне стольный град стениящий, утружденный // Явился, будто

² По этой причине внимание исследователей «Казанской истории» в основном было сосредоточено на текстологическом анализе и на выявлении источников произведения. В то же время отмечалась особая поэтичность древнерусского текста. Вопрос о художественных особенностях памятника рассматривался в работах Г. З. Кунцевича, А. С. Орлова, Д. С. Лихачева и др. Комплексное изучение поэтики «Казанской истории» было проведено Н. В. Трофимовой [17].

³ В 1903 г. Кунцевич издал «Казанскую историю» в 19 томе «Полного собрания русских летописей».

бы осады свободной» [18, с. 195]. Заметим, что в поэме Херасков придает большое значение деятельности царской Избранной рады, утверждая мысль о том, что монарх не может управлять государством единолично, не опираясь на поддержку своих подданных и мудрых советников. Эта просветительская идея самого писателя становится одной из основополагающих в его поэме: «Единение царя и аристократии кажется Хераскову необходимым условием благоденствия государства, и, не видя его в современности, поэт хочет искать идеал в историческом прошлом России» [4].

Тема гражданского долга, вполне традиционная для классицизма, ключевая в эпической поэме. Как известно, отличительная черта классицистической поэзии — ее «национально-патриотическая» [14] направленность. Герои «Россиады», как и «Казанской истории», — это русские и магометане. Еще раз скажем, что на первом плане в древнерусском произведении — царь, возглавивший поход на Казань. В эпической поэме, наоборот, центральное место отведено описанию подвигов российских воинов и их предводителей (князя Курбского, Серебряного, Микулинского и др.) во время осады города. При этом автор несколько не уменьшает заслуги Ивана Грозного в победе 1552 г. Для него важнее показать, что величие государства зависит одновременно от нескольких условий — не только от одного монарха, но и от верного служения подданных. И в конце «Россиады» царь говорит: «Мне славно, что я есмь толь храбрых войск царем!» [18, с. 237] (сравним, в конце «Казанской истории» автор в основном перечисляет заслуги Ивана Грозного: «Сицев бе той царь князь великий и многа при себе памяти и похвалы достойна сотвори» [5, с. 175]).

К началу XIX в. «Россиада» приобрела значение влиятельного источника для авторов, обратившихся к теме казанского взятия. В 1806 г. в Москве Глинка издал трагедию в пяти действиях «Сумбека, или Падение Казанского царства», посвященную «Творцу Россиады» [1]. Но в его пьесе ведущий персонаж — казанская царица Сиюнбике. И уже в 1810 г. в Петербурге появилась другая пьеса, основным персонажем которой стал царь Иван Грозный, — это «трагедия в стихах» Грузинцева «Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича, проименованного Грозным». Несмотря на то что пьеса Грузинцева появилась позже и в ней заметны некоторые заимствования из предшествующего драматического произведения, в содержательном плане она значительно отличается от трагедии Глинки.

Драматические сочинения Глинки и Грузинцева по большей части только упоминаются в контексте развития русской драматургии рубежа XVIII – начала XIX вв. (например, в работах Ю. В. Стенника, Н. Д. Кочетковой). В недавнее время появилась работа украинской исследовательницы Е. А. Прокофьевой [12], где анализируется трагедия Глинки. Однако автор не рассматривает проблемы источниковедческого характера.

В «Покоренной Казани» Грузинцева действие происходит на третий день после падения Казанского царства, и казанская царица еще верит в то, что сможет восстановить власть: «Увидит Иоанн не слезы, мечь в дѣсницѣ, // И смертью своей онъ мзду воздасть Царицѣ» [2, с. 6]. Она оплакивает падение Казани и говорит, что всего лишь два дня прошло с того времени, когда ее считали правительницей «равной» [2, с. 8] российскому царю. В ее речи звучит презрительное отношение к Иоанну. Сам же царь относится к Сумбеке с большим почтением: «Всегда дивился я, премудрости жены, // И бодрости твоей во время сей войны. // Хоть поль тебе претиль сражаться со врагами, // Но мужеством души ты правила полками» [2, с. 21].

В сюжет пьесы включена вымышленная автором «Россиады» история любви Сумбеки и Алея (его прообраз — князь Шигалей из «Казанской истории»)⁴. Из-за любви к царице Алею переходит на сторону казанцев. В финале трагедии царь прощает Алея и Сумбеку.

Одно из главных качеств Ивана Грозного у Грузинцева — милосердие. Царь полагает, что именно эта добродетель характеризует великого правителя и возвеличивает его над другими. Видя, что самодержец проявляет снисходительность к казанцам, Курбский пытается предостеречь его: «Не должно было нам щадить упорный градъ, // Но истребить мечем враговъ послѣдний ядъ» [2, с. 18]. А в ответ царь задает князю вопрос: «Ты хочешь, чтобъ твой Царь былъ варварамъ подобень?» [2, с. 18]. В этой речи отчетливо видно, что он противопоставляет свою доброту жестокости, присущей, по его мнению, только «варварам» (под ними, возможно, подразумеваются не только казанские правители). В то же время милосердие Ивана Грозного становится еще большим наказанием для гордой Сумбеки. Она говорит ему: «Чѣмъ больше ты великъ, тѣмъ злѣй мои мученья» [2, с. 60].

Совсем другим царь предстал в «героической опере» [15, с. 581] (авторское название) Державина «Грозный, или Покорение Казани». Опера была написана в 1814 г.⁵ Для ее написания Державин использовал одновременно несколько источников — «Казанскую историю», «Россиаду» и текст одной из трагедий⁶. Недавно А. В. Семенов [13] был проведен сопоставительный анализ текстов державинской оперы и «Россиады». Ей удалось найти соответствия в содержании произведений и доказать, что поэма Хераскова — один из источников оперы.

В основе сюжета оперы Державина — легенда о «гнездящемся змее» [15, с. 594], заимствованная Державиным из текста «Казанской истории». Так, «Казанская история» рассказывает об основании Казани царем Саином на том месте, где раньше находилось «издавна гнездо змиево» [5, с. 47]. С помощью волхва Саин уничтожил обитающих в гнезде змей и огромного двуголового змея. В 32-й главе «Казанской истории» появляется образ беса, который с давних времен прельщал людей со всей Казанской земли. Бес говорит о непреодолимой победе христианской веры. Превратившись в змея, он покидает мечеть, и жители тамошнего края видят в этом печальное для них предзнаменование гибели Казани: «И по малѣ часѣ явися дымъ чернѣ великъ изнутрь градца, из мечети, на воздух се излетѣ змий огненъ и полѣте на запад. Нам же всѣмъ зрящим и чюдящимся, и невидимъ бысть очию нашею. И разумѣвше все бывшее, яко ту исчезе живот ихъ» [5, с. 92]. В державинской опере «крылатый» Зилант, или Казанский змей выступает как персонаж, являющийся основным противником Ивана Грозного вместе с чародеем Нигрином⁷ и Сумбекой. И в финале именно Нигрин тщетно пытается излечить раненого змея волшебными снадобьями. Вообще, если говорить об отличительных особенностях оперы, то для этого жанра была характерна особая атмосфера волшебства и загадочности⁸. Поэтому в произведении можно встретить удивитель-

⁴ В «Казанской истории» князь Шигалей — самый преданный воин Ивана Грозного. После взятия Казани царь выдал Сумбеку замуж за Шигалея. Но автор сообщает о том, что Шигалей не простил Сумбеку за ее попытку отравить его. Согласно «Казанской истории» в 1551 г., когда Шигалей находился в Свияжске, Сумбека пыталась убить его: она подарила князю отравленную одежду и еду.

⁵ Так датирует произведение Я. К. Грот [15, с. 579].

⁶ Державин указал в предисловии «Казанскую историю» как один из источников оперы. О привлечении текстов других произведений свидетельствуют одинаковые имена некоторых героев.

⁷ Державин заимствует образ чародея Нигрина у Хераскова.

⁸ См., например, статью К. А. Кокшениной [7].

ные, порой фантастические сцены — например, в третьем действии есть эпизод, когда тень покойного мужа казанской царицы «бросается» [15, с. 632] на Ивана Грозного. Да и сами центральные персонажи произведения — кудесник Нигрин и крылатый летающий змей — делают оперу похожей на сказку.

У Державина Иван Грозный немилосерден и суров по отношению к казанцам. Когда Шигалей⁹ говорит о Сумбеке, самодержец отвечает ему: «Хочу, чтобъ наказаній // Ты зрителем Казанцев былъ // И зрѣль, какъ рушилъ зданьи, // Какъ градъ сей вспепелилъ, Какъ въ немъ чтобъ чтобъ челоуѣка // И слѣда ты не зрѣль» [15, с. 590]. Напомним, что в «Россиаде» и в трагедии Грузинцева царь чтит казанскую царицу и прощает ее, обещая относиться как к сестре. И в «Казанской истории» он выдает Сумбеку замуж именно за князя Шигалея, поскольку тот, по словам автора, выделялся среди остальных князей знатным происхождением. Древнерусский писатель сообщает, что таким образом царь отнесся к «вольной царице казанской» [5, с. 97] снисходительно. В «Казанской истории», в поэме и в трагедии победитель более добр к Сумбеке. Опера же, напротив, оканчивается тем, что Сумбека и Нигрин оказываются «въ оковахъ» [15, с. 634]. И только по настоятельной просьбе Шигалея царь прощает Сумбеку при обязательном условии ее крещения. Грозный нрав царя показан и в сцене, когда самодержец разговаривает с Нигрином. Из авторской ремарки читатели узнают о царском обычае «ставить тому на ногу трость свою с копиемъ, съ кѣмъ говорилъ, дабы онъ не лгалъ» [15, с. 593]. Примечательно, что этот же мотив, как известно, есть в балладе А. К. Толстого «Василий Шибанов»¹⁰.

Следует отметить, что жестокость Ивана Грозного в опере не является самодурством. Царь часто высказывает мысль о том, что правителю надлежит наказывать, «карать» [15, с. 590] всякое зло. И борьба с Казанью и ее язычеством в опере — это прежде всего противостояние злу. Не будем забывать, что по преданию, содержащемуся в «Казанской истории», Казань — город, основанный на месте, где издавна поселился Зилант (или «адский демон» [15, с. 582]).

В отличие от трагедии Грузинцева, где князя Курбский и Троекуров боятся, что казанцы обманут царя, воспользовавшись его великодушным отношением к ним, в опере все обстоит иначе: Иоанн мнителен и полагает, что опасность может исходить не только от чужеземцев, но и от «внутренних врагов» [15, с. 587], от ближайшего окружения. В первом действии из его речи становится известно, почему он стал жестоким ко всем. В разговоре с Шигалеем царь вспоминает о своем детстве, говорит об измене бояр: «Отъ ближнихъ зло — вреднѣй тьмы вражыхъ золь. // Я не пришол // Сюда, прошедшаго какъ приходили году // Бояре взять Казань, но дали ей свободу. // Ты самъ скажи про то: // Что? не измѣна ль то?» [15, с. 587]. Итак, перед нами видны основные предпосылки формирования характера Ивана IV. Возможно, есть основания полагать, что опера «Грозный, или Покорение Казани» отличается от других произведений на тему казанского взятия большим психологизмом.

Опера, как и ее древнерусский источник, оканчивается похвалой. Но в ней царь сам говорит о своих заслугах: «Да идетъ слухъ о мнѣ в потомки поздны, // Что былъ царь Грозный», «Что сѣверъ, югъ, востокъ въ едину слилъ державу, // И Россов утвердилъ величіе и славу // Надъ полвселенной тѣмъ, // Что правятся они однимъ царемъ» [15, с. 637–638].

⁹ У Хераскова и Грузинцева — Алей. В опере автор использует имя героя из «Казанской истории».

¹⁰ В балладе царь во время разговора с Василием Шибановым вонзил жезл в его ногу.

Как уже было сказано, тема казанского взятия заинтересовала российскую общественность именно после издания «Россиады», одним из источников которой стала «Казанская история». Спустя два десятилетия, в начале XIX в., русские писатели вновь обратились к этой теме. Каждый из них использовал текст известной эпической поэмы наряду с ее древнерусским источником. Несмотря на то что авторы заимствовали друг у друга некоторых героев, отдельные мотивы, они демонстрируют разные подходы к изображению Ивана Грозного: у Хераскова царь — «раб отечества» [18, с. 188], подданный своего государства, Грузинцев выводит на сцену милосердного и великодушного монарха. В целом, применительно к эпической поэме и трагедии можно говорить о создании авторами положительного образа Ивана IV. Писатели по-своему идеализируют правителя, и в этом отношении их произведения близки к древнерусскому источнику.

Опера «Грозный, или Покорение Казани» Державина занимает особое место в ряду произведений, посвященных теме казанского взятия. Впервые в русской литературе появляется образ Ивана Грозного как жестокого правителя и карающего самовластца. По всей видимости, это объясняется тем, что Державиным могли быть привлечены другие, ранее неизвестные источники о времени правления Ивана IV. На данный момент выявить их пока не представляется возможным. Опера написана в 1814 г. И только через семь лет читатели познакомятся с девятым томом «Истории Государства Российского» Карамзина, а в 1833 г. будет опубликована переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского царства. М.: Тип. С. Селивановского, 1817. 79 с.
- 2 Грузинцев А. Н. Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным. СПб.: Императорская тип., 1810. 61 с.
- 3 Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1990. 416 с.
- 4 Западов А. В. Поэты XVIII в.: Литературные очерки. М.: Изд-во МГУ, 1984. 236 с.
- 5 Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 194 с.
- 6 Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 18 т. М.: ТЕРРА-книжный клуб, 2001. Т. IX. 624 с.
- 7 Кокшенева К. А. Драматические сочинения Г. Р. Державина // Державин и русская литература. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2007. С. 139–160.
- 8 Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 681 с.
- 9 Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л.: Наука, 1980. 265 с.
- 10 Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 54–55.
- 11 Пауткин А. А. Иван Грозный: интермедийность и трансформация образа // RUS-Revista de Literetura e Cultura Russa. 2016. Т. 5, № 5. С. 12–18.

¹¹ Издана Н. Г. Устряловым.

- 12 Прокофьева Е. А. Русская историческая драма эпохи барокко, классицизма и сентиментализма. Днепропетровск: А. Л. Свидлер, 2008. С. 88–94.
- 13 Семенова А. В. «Россиада» М. М. Хераскова как один из источников оперы Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» // Литературоведческий журнал. 2016. № 1. С. 46–53.
- 14 Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М.: Высшая школа, 2007. 208 с.
- 15 Соч. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд-во Тип. Императорской АН, 1867. Т. IV. 863 с.
- 16 Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: Изд-во МПГУ, 2017. 274 с.
- 17 Трофимова Н. В. Поэтика повести второй половины XVI века «История о Казанском царстве»: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1984. 16 с.
- 18 Херасков М. М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1961. 409 с.

© 2018. Anastasiya I. Zavialova
Moscow, Russia.

IVAN THE TERRIBLE IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Abstract: In 1779 M. M. Kheraskov published the epos “Rossiada”, telling about the victory of Ivan the Terrible over the Khanate of Kazan. For its writing the author used “The Kazan Chronicle” — a work of the unknown Old Russian writer, which praised the first Russian tsar. “Rossiada” gained a literary success. The reason for it was the relevancy of the story about The Kazan's conquest in the epoch of Catherine the Great. The victory of Ivan the Terrible and Russian warriors over Mahometans in the 16th century became correlated with the Russian-Turkish war. Several years after, at the beginning of the 19th century, other writers returned to the story of “The Kazan Chronicle” and Kheraskov's epos — this was how tragedies by S.N. Glinka “Sumbeka, or The Kazan's conquest”, by A. N. Gruzincev “The conquered Kazan, or The Kindness of Ioann Vasilyevich IV, called Terrible” and the opera of G. N. Derzhavin “Grozny, or the Kazan's conquest” appeared. Each of the mentioned authors created the Old Russian ruler's image of his own. This paper reveals what view of the activities and personality of the tsar preceded the publication of “The history of the Russian State” by N. M. Karamzin, which perpetuated the idea of Ivan IV as a tyrannical ruler in the public mind.

Keywords: Ivan the Terrible, The Kazan's conquest, The Kazan Chronicle, M. M. Kheraskov, “Rossiada”, S. N. Glinka, A. N. Gruzintsev, G. R. Derzhavin, Russian drama.

Information about author: Anastasiya I. Zavialova — Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1, 119991 Moscow, Russia. E-mail: azavyalowa@gmail.com

Received: March 16, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Zavialova A. I. Ivan the Terrible in the works of Russian writers of the second half of the 18th century and the beginning of the 19th century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 136–145. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Glinka S. N. *Sumbeka, ili Padenie Kazanskogo carstva* [Sumbeka, or The fall of the Kazan kingdom]. Moscow, Tipografija S. Selivanovskogo Publ., 1817. 79 p. (In Russian)
- 2 Gruzincev A. N. *Pokorennaja Kazan', ili Miloserdie carja Ioanna Vasil'evicha IV, proimenovannogo Grozным* [The conquered Kazan, or The kindness of tsar Ivan Vasilyevich, called the Terrible]. St. Petersburg, Imperatorskaja tipografija Publ., 1810. 61 p. (In Russian)
- 3 Derzhavina O. A. *Drevnjaja Rus' v russkoj literature XIX v.* [The reception of the Old Russian literature in Russian literature of the 19th century]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1990. 416 p. (In Russian)
- 4 Zapadov A. V. *Pojety XVIII v.: Literaturnye očerki* [Poets of the 18th century: Literary essays]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1984. 236 p. (In Russian)
- 5 *Kazanskaja istorija* [The Kazan Chronicle]. Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954. 194 p. (In Russian)
- 6 Karamzin N. M. *Istorija Gosudarstva Rossijskogo: in 18 t.* [The history of the Russian State: in 18 vols.]. Moscow, TERRA-knizhnyj klub Publ., 2001. Vol. 9. 624 p. (In Russian)
- 7 Koksheneva K. A. Dramaticheskie sochinenija G. R. Derzhavina [The dramatic works of G. R. Derzhavin]. *Derzhavin i russkaja literature* [Derzhavin and Russian literature]. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN Publ., 2007. pp. 139–160. (In Russian)
- 8 Kuncевич G. Z. *Istorija o Kazanskom carstve, ili Kazanskij letopisec* [The history about the Kazan kingdom, or The Kazan Chronicle]. St. Petersburg, Tipografija I. N. Skorohodova Publ., 1905. 681 p. (In Russian)
- 9 Moiseeva G. N. *Drevnerusskaja literatura v hudozhestvennom soznanii i istoricheskoj mysli Rossii XVIII v.* [The Old Russian literature in the artistic conscience and historical thought of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 265 p. (In Russian)
- 10 Panchenko A. M., Uspenskij B. A. Ivan Groznyj i Petr Velikij: koncepcii pervogo monarha [Ivan the Terrible and Peter the Great: conceptions of the first Russian monarch]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Izdatel'stvo IRLI RAN Publ., 1983, vol. 37, pp. 54–55. (In Russian)
- 11 Pautkin A. A. *Ivan Groznyj: intermedial'nost' i transformacija obraza* [Ivan the Terrible: image's intermedia and transformation]. *RUS-Revista de Literatura e Cultura Russa*, 2016, vol. 5, no 5, pp. 12–18. (In Russian)
- 12 Prokof'eva E. A. *Russkaja istoricheskaja drama jepohi barokko, klassicizma i sentimentalizma* [Russian historical drama of Baroque, the epoch of classicism and sentimentalism]. Dnepropetrovsk, Izdatel'stvo A. L. Svidler Publ., 2008, p. 88–94. (In Russian)
- 13 Semjonova A. V. “Rossiada” M. M. Heraskova kak odin iz istochnikov opery G. R. Derzhavina “Groznyj, ili Pokorenie Kazani” [“Rossiada” as one of the sources of Derzhavin's opera “Groznyj, or The Kazan's conquest”]. *Literaturovedčeskij*

- zhurnal*, 2016, no 1, pp. 46–53. (In Russian)
- 14 Smirnov A. A. *Literaturnaja teorija ruskogo klassicizma* [The literary theory of the Russian classicism]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 2007. 208 p. (In Russian)
- 15 *Sochinenija Derzhavina s ob#jasnitel'nymi primechanijami Ja. Grota* [The complete collection of Derzhavin's works with notes by Jakov Grot]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Tipografii Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1867. Vol. 4. 863 p. (In Russian)
- 16 Trofimova N. V. *Pojetika drevneruskogo voinskogo povestvovanija* [The old Russian martial storie's poetics]. Moscow, Izdatel'stvo MPGU Publ., 2017. 274 p. (In Russian)
- 17 Trofimova N. V. *Pojetika povesti vtoroj poloviny XVI veka "Istorija o Kazanskom carstve"* [Poetic of the story of the second half of the 16th century "The history about the Kazan kingdom"]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Moscow, 1984. 16 p. (In Russian)
- 18 Heraskov M. M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, St. Petersburg, Sovetskij pisatel' Publ., 1961. 409 p. (In Russian)